

УДК 348.71

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/5

ВОССОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОЕКТЫ 1914–1915 гг. В ГАЛИЦИИ И ЗАКАРПАТЬЕ ПО МЕМУАРАМ ГЕОРГИЯ ШАВЕЛЬСКОГО

А.Р. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: alar60@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена тем фрагментам мемуаров последнего протопресвитера Русской армии Георгия Ивановича Шавельского, в которых автор рассказывает о ходе так называемых воссоединительных проектов 1914–1917 гг., направленных на слияние православия и униатства. Возникновение подобных замыслов было связано с оккупацией русской армией в ходе боевых действий Первой мировой войны значительных территорий Карпатской Руси, что преподносилось российской пропагандой как освобождение братского славянского народа от ига Габсбургов. Как видно из мемуаров, политическая элита Российской империи воспринимала коренное население этих земель как русинов, которые в результате политических интриг оказались принудительно «исторгнуты из лона православия». Шавельский анализирует методы «воссоединения» и рассказывает о противоборстве между сторонниками умеренной и жесткой линий внутри самой православной церкви; показывает, как отражались внутрицерковные споры по данной проблеме на отношениях между различными придворными группировками; дает яркие портреты основных участников происходивших событий.

Ключевые слова: русины, униаты, протопресвитер, Г.И. Шавельский, В.С. Георгиевский, В.К. Саблер, Г.А. Бобринский, украинизация.

REUNION CHURCH PROJECTS OF 1914-1915 IN GALICIA AND TRANSCARPATHIA ACCORDING TO THE MEMOIRS OF GEORGY SHAVELSKY

A.R. Sokolov

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: alar60@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to those fragments of the memoirs of the last army Protopresbyter Georgy Shavel'sky in which the author talks about the so-called reunion projects of 1914-1917, aimed at the merger of the Orthodox and Uniate Churches. The emergence of such ideas has been connected to the occupation of large areas of Carpathian Rus' by the Russian Army during the military campaigns of WWI, which was presented by Russian propaganda as the liberation of a brotherly Slavic people from the yoke of the Habsburgs. As seen from the memoirs, the political elite of the Russian Empire took the indigenous population of these lands as Rusins, who were coercively «pulled from the bosom of Orthodoxy» as a result of political intrigues. Shavel'sky analyzes the ways of «reunion» and talks about the confrontation between supporters of the moderate and hard line within the Orthodox Church; he shows how the internal church debates concerning this issue affected the relations between the various groups of courtiers; he gives vivid profiles of the main participants of the events.

Keywords: Rusins, Uniates, Protopresbyter, G.I. Shavel'sky, V.S. Georgievsky, V.K. Sabler, G.A. Bobrinsky, Ukrainization.

Личность Георгия Ивановича Шавельского не удостоилась пристального внимания историков, что вызывает некоторое удивление, учитывая положение, которое он занимал в Российской империи в один из самых драматичных моментов ее истории.

Об этом положении говорит уже само название написанных им мемуаров – «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота».

Двухтомные воспоминания Шавельского вышли в 1954 г. в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова и вызвали большой интерес в среде эмиграции. В 1996 г. эти мемуары были выпущены в России

издательством Крутицкого подворья сравнительно небольшим тиражом и, в общем, прошли практически не замеченными широкой аудиторией, увлеченной процессом рассекречивания более сенсационных фактов. Сегодня эти воспоминания вполне свободно можно прочитать в Интернете (Шавельский 1996: 1–21).

Историки, занимающиеся предреволюционной Россией, почти всегда включали работу Шавельского в список использованной литературы, но практически не анализировали ее в плане источниковедческом. В сущности, внимание и читателей, и исследователей концентрировалось вокруг тех фрагментов, которые были связаны с борьбой придворных группировок и влиянием на царя пресловутой «распутинской клики».

Однако степень осведомленности Шавельского относительно именно этих моментов была невысокой, поскольку в период Первой мировой войны местом службы Георгия Ивановича являлась Ставка Верховного главнокомандующего (сначала в Барановичах, а с лета 1915 г. – в Могилеве). О том, что происходило в Петрограде, он мог судить лишь по информации, полученной у своих хорошо осведомленных знакомых, но все же не напрямую, а через вторые руки.

Зато в чем Шавельский был осведомлен намного лучше, так это во взаимоотношениях среди представителей высшего армейского командования, военного духовенства и вообще представителей высшей церковной иерархии. Бесспорно, фрагменты мемуаров, посвященные именно этим вопросам, отличаются наибольшей достоверностью и представляют особую ценность.

К числу таких фрагментов относится и глава 9-я I тома «На Юго-Западном фронте. Воссоединение галицийских униатов», содержащая интересные сведения о политике, проводимой российской военной администрацией на территориях, населенных русинами. Но больше всего Шавельский уделяет внимание противоборству в среде высшей православной иерархии в вопросе обращения униатского населения в православие.

Проблема обращения униатов приобретает особую актуальность, прежде всего в связи с кризисом в нынешних российско-украинских отношениях, вызванным не в последнюю очередь теми идеями искусственной украинизации, которые были сформулированы в начале XX в. адептами так называемого украинского национального возрождения, с подачи и при организационной поддержке властей Австро-Венгрии. Идеи эти, основанные на тенденциозном толковании исторических фактов, после краха первой попытки создания независимого украинского государства были реанимированы в период Великой Отечественной войны и вторично уже в наше время.

В различные исторические периоды жертвами попыток искусственной украинизации становились представители различных наций и этнических групп, в том числе русины. Кроме того, мемуары Шавельского позволяют понять специфику взаимоотношений российских государственных и церковных структур в условиях военных действий, когда многие мероприятия властей оказывались недостаточно проработанными и не в полной мере учитывали национальную и религиозную специфику славянских территорий Австро-Венгрии.

Шавельский был третьим по счету и последним протопресвитером русской армии и флота, приравнявсь по своему званию к генерал-лейтенанту (С нами Бог 2014: 5). Первым, кто занимал эту должность, был Александр Алексеевич Желобовский (1834–1910 гг.). Его преемник Евгений Петрович Аквилонов (1861–1910 гг.), помимо богословской деятельности, занимался изучением иудаизма, пламенно отстаивал ценности самодержавия, обличал революционеров и был близок к ультраправым организациям. Его смерть от саркомы горла многим казалась не только преждевременной, но и подозрительной (Сементовский 1911: 273–282).

Назначение Шавельского на должность протопресвитера многие восприняли как весьма неожиданное. Сам Георгий Иванович склонен был объяснять его тем, что в нужный момент оказался в нужном месте и к тому же являлся единственным кандидатом, имевшим степень магистра богословия.

Родился он в селе Дубокрай Витебской губернии в семье дьячка. Окончил Витебскую духовную семинарию и в 1895 г. был посвящен в сан священника. Служил настоятелем Суворовской церкви в Санкт-Петербурге. В 1902 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Во время Русско-японской войны был полковым священником, дивизионным благочинным и, наконец, главным священником Маньчжурской армии.

Заметную роль в карьере Шавельского сыграл генерал от инфантерии Владимир Гаврилович Глазов (1848–1920 (?) гг.), в 1904–1905 гг. занимавший должность министра народного просвещения Российской империи. При его покровительстве Георгий Иванович занял должность законоучителя в Смольном институте, войдя в сравнительно узкий круг придворного духовенства (РГИА 922: 1–752).

Став протопресвитером, Георгий Иванович развил бурную деятельность. В 1913 г. им была написана 40-страничная брошюра «Служение священника на войне», а в июле 1914 г. организован первый в истории собор военного духовенства, решивший давно назревшие организационные вопросы.

В период Первой мировой войны Шавельский был близок к Верховному главнокомандующему русской армии великому князю Николаю Николаевичу, однако не пользовался таким же влиянием на сменившего его в этой должности летом 1915 г. Николая II, что многие объясняли последствиями действий «распутинской клики».

После Февральской революции Шавельский предпринял соответствовавшие духу времени шаги по демократизации возглавляемой им структуры, наладил диалог с Временным правительством и даже являлся одним из кандидатов на восстановленный патриарший престол.

Однако наладить аналогичный диалог с большевиками у него, разумеется, не получилось. Шавельский вернулся на свою малую родину, где в сентябре 1918 г. решением Витебского совета рабочих депутатов был приговорен к смертной казни. Ему удалось бежать и, воспользовавшись паспортом умершего крестьянина, добраться до Киева. Некоторое время Георгий Иванович жил в Ялте у великого князя Николая Николаевича. Оттуда перебрался в Екатеринодар и стал главой военного духовенства Добровольческой армии. В марте 1920 г. он был заменен епископом Вениамином (Федченковым), после чего эмигрировал в Болгарию, где занял должность профессора богословского факультета Софийского университета.

Шавельский благополучно пережил Вторую мировую войну и сумел избежать репрессий после прихода к власти в Болгарии коммунистов. Скончался он в Софии.

Фрагмент мемуаров Шавельского, посвященный проблеме обращения униатов в православие, требует небольшого исторического экскурса.

Обрисовывая ситуацию на территории Галиции применительно к процессу вызревания национального самосознания, исследователь М.Э. Клопова констатирует: «Основное соперничество развернулось между украинским и пророссийским, получившим наименование русофильского, направлениями. В основе идеологии русофильского движения лежала концепция, согласно которой "Восточная Галиция", а также другие "русские" земли Габсбургской империи считались неотъемлемой частью единого русского мира, сегментом общего русского культурно-исторического пространства. Участниками украинского движения Галиция воспринималась как элемент единой "соборной" Украины, своего рода лаборатория, где нарабатывался опыт культурной, общественно-политической, экономической деятельности, который затем предстояло перенести на российскую часть Украины» (Клопова 2011: 95).

Здесь следует только уточнить, что применительно к восточнославянскому населению Галиции российская дореволюционная пресса

практически никогда не использовала определения «украинцы», «украинские», а исключительно «русины» или «русские».

В 1913–1914 гг. прошли два организованных габсбургскими властями «шпионских» процесса. Русофильские деятели хотя и были оправданы судом присяжных, однако в глазах общественности движение оказалось представлено в виде своеобразной «пятой колонны», действующей в интересах царского правительства. Начавшаяся же вскоре Первая мировая война дала австро-венгерской администрации повод для широкомасштабных репрессий.

Российская пресса запестрела сообщениями о том, что происходило на галицийских землях, и хотя авторы слишком часто основывались на непроверенной информации, действительность порой оказывалась страшнее любых измышлений пропаганды.

Приведем сообщение из газеты «Прикарпатская Русь», опубликованное, к слову, только через два года после описанных в заметке событий: «Отступая к Перемышлю, австрийские войска арестовали по пути сорок восемь местных русских жителей. В Перемышле несчастных встретили ехавшие верхом мадьяры... началось уже настоящее зверское избиение арестованных... били мадьяры-пехотинцы и мазепинцы... Улица огласилась стонами и криками. "Не бить, а расстреливать", – раздался резкий и пронзительный голос майора. Тогда девушка – дочь священника – пала на колени перед распятием, находившемся в нише дома, и, подняв к нему руки, воскликнула: "Мать Божья, спаси нас!" Тут к несчастной девушке подскочил солдат-мадьяр и сильно ударил ее по голове ручкой револьвера, а затем выстрелил ей в лоб... Началась стрельба. Стоны, крики, ружейные выстрелы – все смешалось вместе в какой-то дикий, кошмарный хаос...» (С нами Бог 2014: 25).

А вот как описывал участник русофильского движения В.Р. Ваврик итог расправы, учиненной 15 сентября 1914 г. венгерскими солдатами над конвоируемой в тюрьму группой из 46 арестованных в симпатиях к противнику русинов: «Из тел изрубленных людей образовалась сплошная груда размозженного мяса. Только двоим удалось выжить» (Ваврик 2001: 73).

Неудивительно, что значительная часть русинского населения встречала русскую армию очень доброжелательно. Однако достаточно быстро выявились и конфликтные точки, в появлении которых заметную роль сыграл конфессиональный фактор. Многие униатские священники покинули свои приходы вместе с отступавшей австро-венгерской армией. Вскоре в русскую администрацию стали поступать сведения о распространявшихся во Львове и сельских приходах воззваниях униатской церкви, в которых верующих призывали

оставаться верными австрийскому государству и не сотрудничать с «врагами и изменниками». В 1914–1915 гг. как потенциальные сторонники австро-венгров в российские губернии в административном порядке было выслано до 2 000 человек. Среди них было и много униатских священников, причем этой участи не избежал и сам митрополит Галицкий Андрей Шептицкий (1865–1944 гг.).

Явно недоброжелательное отношение униатского духовенства к представителям русской оккупационной власти, по-видимому, сыграло не последнюю роль в стремлении активизировать процесс обращения униатов в православие.

Наиболее известным сторонником этого курса стал архиепископ, впоследствии митрополит Евлогий (1868–1946 гг.; в миру Василий Семенович Георгиевский). Родился он в Тульской губернии в семье многодетного священника. В 27-летнем возрасте принял монашеский постриг и вскоре стал ректором в Холмской семинарии.

К началу Первой мировой войны он был архиепископом Волынским и Житомирским, а после занятия Галиции отвечал за церковное управление территориями на которых образовались сразу четыре новые губернии – Львовская, Тернопольская, Черновицкая и Перемышльская. В дальнейшем Евлогий принял участие в событиях гражданской войны (разумеется, на стороне белых) и в 1919 г. нашел убежище от преследований петлюровцев и поляков у вернувшегося во Львов на свою кафедру митрополита Шептицкого. Последующая жизнь Евлогия в эмиграции была наполнена конфликтами с другими деятелями Русской зарубежной православной церкви, экуменическими проектами, постоянными метаниями между модернизационными и консервативными крайностями.

В сущности, Евлогий и Шавельский являлись наиболее яркими фигурами высшей церковной иерархии предреволюционного периода, что и объясняет их соперничество.

Униатский вопрос напрямую входил в сферу их служебной компетенции. Шавельский руководил военным духовенством, а значит, должен был интересоваться конфессиональной жизнью прифронтовой Галиции. Евлогий формально отвечал только за руководство православными структурами на галицийских территориях, однако, учитывая сходство в обрядах между униатской и православной церковью, не мог оставаться безразличным к тому, что значительная часть крестьян осталась без пастырей. И, говоря откровенно, наиболее естественной реакцией для человека с такими взглядами, как у Евлогия, являлось ускоренное обращение униатов в православие.

Шавельский следующим образом описывает обстоятельства, при которых он узнал о проводимой Евлогием политике. Дело проис-

ходило в начале сентября 1914 г.: «Уезжая из Вильны, я накупил себе разных газет, среди которых оказался номер (кажется, за 10 сентября) "скворцовской" (издававшейся В.М. Скворцовым, чиновником особых поручений при обер-прокуроре Св. синода) газеты "Колокол", проглядывая который, я наткнулся на статью какого-то архимандрита, озаглавленную: "Апостольская поездка еп. Дионисия по Галиции" (Кажется, не ошибаюсь, приводя по памяти название статьи. Еп. Дионисий, впоследствии – митрополит Варшавский). В статье сообщалось, что с продвижением наших войск в Галицию волинские духовные власти во главе с архиепископом Евлогием начали "апостольское" дело обращения галицийских униатов в православие. Еп. Дионисий (Кременецкий, викарий Волинской епархии) уже подъял великий подвиг, путешествуя по градам и весям Галиции. Преосвященный не только совершает богослужения в униатских приходах, но и "действует". Указывались факты: в селе Н. преосвященный призывает священника-униата. "Ты – папист?" – спрашивает его преосвященный. "Папист", – отвечает священник. "Тогда вот тебе два дня на размышление: если не откажешься от папы, отрешу тебя от места". Священник не согласился откататься, после чего епископ в воскресенье объявляет прихожанам: "Ваш священник – папист; он негоден для вас; я ставлю вам другого"... И... поставил иеромонаха Почаевской лавры» (Шавельский 1996: 165).

Далее Шавельский описывает причины, по которым он воспринял это сообщение слишком близко к сердцу: «Задолго до войны я изучал униатский вопрос в широкой научной и бытовой постановке. Защищенная мною 9 мая 1910 г. магистерская диссертация озаглавливалась "Последнее воссоединение униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг)". Статья "Колокола" воскресила в моей памяти знакомую картину воссоединения 30-х годов прошлого столетия со всеми ошибками и промахами воссоединителей, приводившими к кровавым столкновениям, к вмешательству вооруженной силы. Только "тогда" было в мирное время и у себя дома, а "теперь" – на театре военных действий, на чужой территории. Последнее обстоятельство обязывало наших "деятелей" к особой осмотрительности и осторожности. Азбука военного дела требовала принятия всех мер к успокоению, а не к возбуждению и раздражению населения занятой нашими войсками неприятельской местности. Наши "воссоединители" обязаны были, кроме того, учитывать, что успех на войне легко чередуется с неудачей, что сегодня занятая нашими войсками территория завтра может перейти снова в неприятельские руки. И не могли они не предвидеть, что может ожидать воссоединенных, если они снова окажутся в руках австрийской власти, столь ревностно, по политическим соображени-

ям, преследовавшей в Галиции православие и насаждавшей унию» (Шавельский 1996: 166).

Учитывая, что Шавельский достаточно глубоко изучал опыт воссоединения белорусских униатов, естественно, у него должно было существовать собственное видение относительно того, как именно следует решать вопрос с униатами-русинами.

И Георгий Иванович в своих мемуарах действительно подробно останавливается на этом вопросе, делая упор не только на организационные моменты, но и на то, как именно подобные мероприятия сочетаются с ценностями, провозглашаемыми в Евангелии. «Православной миссии среди галицийских униатов в то время могло быть только одно дело: не обличая униатской веры, не пытаясь пока воссоединить униатов, всеми способами показывать им, – особенно оставшимся без своих священников, бежавших в глубь Австрии, – красоту и теплоту православия: совершая для них службы, исполняя все требы, бескорыстно всем и для всех служа, а для этого пославши туда самых лучших – испытанных и образованных своих священников. При таком характере нашей работы униаты, может быть, поверили бы нам, привыкли бы к нам, а может быть, и полюбили бы нас и незаметно слились бы с нами. При ином – одни нас возненавидят, другие, поверив нам, будут под угрозой мести со стороны австрийцев, которые, если территория с воссоединенными снова перейдет в их руки, не пожалеют для "изменников" пуль и виселиц. Но такая миссия для наших церковных деятелей казалась прежде всего скучной и не обещающей лавров, а затем она представлялась и канонически недопустимой. Совершать богослужение, требы для еще не присоединенных к православию униатов, венчать их, крестить их детей, хоронить их и т.д. – от этой мысли содрогнутся и теперь... "столпы" православия» (Шавельский 1996: 167–168).

Помимо рассуждений о правильности используемой Евлогием тактики, Шавельский предпринял конкретные шаги с целью направить «воссоединителей» на путь истинный. Для этого он обратился к своему непосредственному начальнику по военной линии – великому князю Николаю Николаевичу.

Верховный главнокомандующий был заинтересован в спокойствии тыла, и с этой точки зрения позиция Шавельского представлялась ему более убедительной, поскольку не провоцировала возможные религиозные волнения. В результате за подписью великого князя императору была отправлена телеграмма с просьбой о приостановке воссоединительных действий.

Ответная телеграмма от Николая II гласила, что соответствующее повеление было передано архиепископу Евлогию. Однако ничего

не изменилось. Шавельский со ссылкой на профессора Киевской духовной академии Ф.И. Титова утверждает, что тот видел вышеупомянутую царскую телеграмму в архиве Святейшего синода, причем на ней стояла лаконичная резолюция обер-прокурора Владимира Карловича Саблера (1845–1929 гг.): «Приобщить к делу», т. е. фактически оставить без последствий (Шавельский 1996: 169).

Ссылаясь на информацию, полученную от петроградских друзей, Шавельский утверждал, что воссоединительная ретивость архиепископа Евлогия вдохновлялась именно поддержкой Саблера (Десятовского, который, к слову, именно в период описываемых событий сменил свою немецкую фамилию на фамилию жены). Саблер считался креатурой так называемой распутинской клики, что, бесспорно, повлияло на те критические и даже сатирические оценки, которые дает ему Шавельский в своих мемуарах. Так, он не без ехидства рассказывает о командированном Саблером чиновнике П.Д. Овсянкине, который выполнял при архиепископе роль соглядатая (Шавельский 1996: 173).

Во многих случаях Георгий Иванович ссылается на незнание подробностей, как, например, в рассказе о визитах Саблера и Евлогия в ставку осенью 1914 г. протопресвитер лишь высказывает предположение, что, общаясь с великим князем, и тот и другой касались униатского вопроса, не встретив у Николая Николаевича понимания.

Собственные воззрения на проблему воссоединения Шавельский подкрепляет ссылкой на опыт общения с верующими русинами, который он получил в начале февраля 1915 г. во время визита во Львов: «1-го вечером и 2-го февраля утром я совершал богослужение в большой униатской Львовской церкви (кажется, Св. Николая). За богослужениями храм был переполнен молящимися, главным образом – униатами. Мужчины и женщины подходили ко мне под благословение, принимали на всю ночь помазание елеем, причем все целовали мне руку.

У меня тогда явилась мысль: значит, они не делают различия между мною и своими священниками; значит, они считают, что мы одно с ними по вере, что мы им – свои. Зачем же мы хотим подчеркивать торжественно и всенародно, что они для нас чужие, что мы совсем другое, чем они? Зачем мы толкаем их на непосильный, может быть, для многих из них вопрос: если мы не одно с ними, то что же такое мы? Зачем, требуя обрядовой формальности – отречения от папы и *filioque*, т. е. от догматов, которые для них и непонятны и безразличны, зачем мы подвергаем их возможности невероятных опасностей? Ужель для того только, чтобы выполнить букву в данном случае мертвого закона? Тяжело, больно было на душе» (Шавельский 1996: 174–175).

В рассказе о посещении Львова особый интерес вызывает изложение беседы с генерал-губернатором Галиции графом Георгием Александровичем Бобринским (1863–1928 гг.), который в своей программной речи при вступлении в должность заявил: «Я буду учреждать здесь русский язык, закон и строй». Как администратор он действительно целенаправленно проводил политику скорейшей интеграции Галиции в состав Российской империи. Однако даже у него активность «воссоединителей» вызывала раздражение, именно по причине угрозы, которую она представляла для конфессионального мира.

Рассказывая о беседах с руководившим осадой Перемышля командующим 11-й армией генералом Андреем Николаевичем Селивановым (1847–1917 гг.) и военными священниками, протопресвитер упоминает о вопросе «как им поступать, когда оставшиеся без священников, убежавших или погибших, униаты просят их совершать богослужение, исполнять требы и пр.» (Шавельский 1996: 176).

Далее Георгий Иванович приводит свой рапорт Святейшему синоду, который, по сути, представляет собой его собственную программу более плавного, естественного «воссоединения» униатов: «Если отказывать униатам в их просьбах, то они пойдут к римско-католическим ксендзам, после чего навсегда будут потеряны для православия; если же требовать от них торжественного присоединения и торжественно присоединять их к православной церкви, то, в случае обратного занятия австрийцами галицийской территории, воссоединенные будут обвинены в государственной измене и подвергнутся казни. Так как основные пункты, отличающие унию от православия, – догматы о *filioque* и о главенстве папы – для простого униатского народа – пустой звук, и так как простецы-униаты считают себя заодно с православными, то не следует ли самый факт обращения их к православному священнику считать за воссоединение и без шума и всяких предварительных торжественных формальностей не отказывать им, при отсутствии у них своего священника, ни в совершении богослужения, ни в исполнении треб? Прошу дать мне соответствующие указания» (Шавельский 1996: 176).

Ответа на свой рапорт Шавельский не получил, но позже также обнаружил его в канцелярии Святейшего синода с резолюцией: «Г. обер-прокурор приказал настоящего рапорта Св. синоду не докладывать» (Шавельский 1996: 177).

Хотя в синоде рапорт Шавельского был положен под сукно, протопресвитер получил возможность изложить свои взгляды на самом высшем уровне – во время посещения императором Николаем II Львова и Перемышля.

Шавельский прибыл во Львов накануне, где пообщался с Евлогием, но, что характерно, никак не пытался урезонить его в вопросе воссоединения. Снова предоставим слово мемуаристу: «Государь прибыл во Львов в 5 ч. вечера. Духовенство и масса народа долго ждали его в храме. При встрече государя архиепископ Евлогий произнес длинную, политическую речь. Государь слушал спокойно... В 8-м часу вечера в великолепном дворце наместника Галиции был очень многолюдный обед: из духовенства были приглашены архиепископ Евлогий и я...

Утром 12-го апреля оба поезда, царский и великокняжеский, остановились на ст. Броды...

Когда мы подходили к поездам, там, на площадке, около них стояли: государь, беседовавший с великим князем Петром Николаевичем, а невдалеке от него великий князь Николай Николаевич с свитским генералом Б.М. Петрово-Соловово, только что вернувшимся из поездки по Галиции. Минуты через две великий князь позвал меня. Я подошел.

– Вот, ваше величество, о. Георгий пусть доложит вам, – сказал великий князь.

– Пойдемте, – обратился ко мне государь. Мы вдвоем пошли по перрону вокзала.

– Скажите мне откровенно ваше мнение о воссоединении униатов в Галиции, – сказал мне государь.

Я начал с того, что я раньше научно изучил униатский вопрос и поэтому мне, может быть, лучше, чем другим, видны ошибки и промахи в этом деле. Дальше я подробно разъяснил государю, что и на родной территории, и в мирное время такие ошибки приводили к бунтам и вооруженным столкновениям и что тем более они опасны теперь – в военное время и совсем нежелательны в виду международных отношений, так как союзники наши французы и итальянцы – католики. Затем я постарался раскрыть, в чем именно ошибочно производящееся воссоединение: тактически оно ведется неправильно; по настоящей военной поре оно совсем не своевременно; для воссоединяемых крайне опасно, ввиду возможности перехода территории опять в руки австрийцев; для церкви оно может оказаться бесславным... Я говорил с жаром, с увлечением. Государь напряженно слушал меня. Мы несколько раз взад и вперед прошли по перрону.

– Что же по-вашему надо сделать? – спросил меня государь, когда я кончил свою речь.

– Архиепископ Евлогий достойнейший человек, но в данном случае он взял неверный курс, которого он не хочет изменить, так как, кажется, он крепко верит в правоту принятого им направления. Его поэтому надо вернуть в Волынскую епархию, которая, кстати, очень

нуждается в личном присутствии своего архипастыря, а униатское дело поручить другому, – ответил я.

– Кому же? – спросил государь.

– Я не смею указывать определенное лицо. Но, может быть, с этим делом справился бы трудящийся теперь в армии, тут в Галиции, еп. Трифон. Он ориентирован в местной обстановке и, по моему мнению, держится совершенно правильного взгляда на здешнее унианство, – ответил я.

– Отлично! Заряженный вашим докладом, я поеду в Петроград и там сделаю, как сказали вы, – были последние слова государя. На этом мы расстались.

От государя я подошел к Верховному, который в это время разговаривал с генералом Г.А. Бобринским, генерал-губернатором Галиции. Я подробно рассказал о беседе с царем. «Отлично!» – сказал великий князь, а граф Бобринский чуть не со слезами обнял меня. «Вы разрешили самый тяжелый и запутанный вопрос в Галицийском управлении», – сказал он мне...

Однако переворот во взглядах императора на униатский вопрос если и произошел, то никаких долговременных последствий это не имело...

6-го мая архиепископу Евлогию, в награду за воссоединительные труды, высочайше был пожалован бриллиантовый крест на клобук – высшая награда для архиепископа, тем более для молодого: ему тогда не было и 50 лет. Униатское галицийское дело, конечно, было оставлено в прежнем положении. А 9 мая началось наступление немцев, закончившееся очищением от наших войск почти всей Галиции. Все воссоединители бежали. Один из них – священник Каркадиновский, законоучитель Витебского учительского института, во время войны служивший в Галиции с архиепископом Евлогием, – рассказывал мне, что воссоединенные часто провожали их проклятиями.

Бежало и много воссоединенных. Говорили, что будто бы до 80 000 галичан после этого разбрелись по Волыни, Дону и другим местам. Рассказывали также, что до 40 000 из оставшихся на месте погибли на виселицах и от расстрелов.

Огромный процент среди них составляли воссоединенные...» (Шавельский 1996: 179–182).

Подводя итоги, можно сказать, что основные доводы, которые Шавельский выдвигал против ускоренного «воссоединения» униатов-русин, сводились к следующему:

– несоответствие подобной политики догматам христианской церкви, требующим, чтобы обращение было актом ненасильственным;

- опасения, что подобная политика вызовет раздражение среди униатов и заставит их еще больше отдалиться от православия в сторону католической церкви;
- опасение волнений среди местных жителей;
- перспектива новых репрессий австро-германцев против «воссоединенных» в случае оставления Закарпатья и Галиции русской армией.

В то же время Шавельский считал абсолютно логичным и полезным шагом назначение в оставшиеся без униатских священников приходы православных батюшек, полагая, что таким образом, благодаря сходству обрядов, будет происходить плавное обращение униатов в православие.

Таким образом, выступая активным участником дискуссий о «воссоединении», Шавельский спорил со своими оппонентами не о целях и задачах, а лишь о методах «воссоединения». Тем не менее позицию последнего протопресвитера русской армии, занятую им в униатском вопросе, следует оценивать как вполне веротерпимую, толерантную и гуманную, по сравнению с позицией архиепископа Евлогия и обер-прокурора Святейшего синода Саблера.

Уже в силу своей должности Шавельский воплощал для современников в одном лице власть военную, государственную и церковную, однако имел недостаточно реальных полномочий и, как следствие, мало влиял на события, к которым он оказывался причастен. Это своеобразие его должностного положения хорошо прослеживается и по его роли в дискуссиях вокруг униатского вопроса.

В любом случае трудно не согласиться если не с глубоким, то, по крайней мере, точным выводом Шавельского: «Галицийское воссоединение показало, что ревность не по разуму весьма опасна, ибо она побуждает и умных людей творить большие глупости» (Шавельский 1996: 182).

ЛИТЕРАТУРА

Ваврик 2001 - *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. К 50-летию трагедии галицкого народа. М.: Московское общество друзей Карпатской Руси, 2001. 143 с.

Клопова 2011 - *Клопова М.Э.* Восточнославянское население Галиции в годы Первой мировой войны // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века* / отв. ред. Е.П. Серапионова. СПб.: Алетейя, 2011. 588 с.

РГИА - Российский государственный исторический архив. Ф. 922. Оп. 1. Д. 752. Письма и телеграммы Глазову В.Г. Шавельского Георгия Ивановича.

С нами Бог - С нами Бог // *Досье. Коллекция* / отв. ред. Д.В. Митюрин. 2014. № 8. С. 2–32.

Сементовский 1911 - *Сементовский Н.* Последние часы жизни о. протопресвитера Евгения Петровича Аквилонова и проводы его тела из Козлова на вокзал для следования в Петербург // Вестник военного и морского духовенства. 1911. № 9. С. 273–282.

Шавельский 1996 - *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии. М.: Издательство Крутицкого подворья, 1996. Т. 1. 414 с.

REFERENCES

Vavrik, V.R. (2001) Terezin i Talerhof. K 50-letiyu tragedii galitskogo naroda [Terezin and Talerhof. On the 50th anniversary of the tragedy of the Galician people]. Moscow: Moscow Society of Friends of Carpathian Rus'.

Klopova, M.E. Vostochnoslavianskoe naselenie Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny [Eastern Slavic population of Galicia in World War I]. In: Serapionova, E.P. (ed.) *Slavyanskiy mir v epokhu voyn i konfliktov XX veka* [Slavic World in the Era of Wars and Conflicts of the Twentieth Century]. St. Petersburg: Aleteyya.

Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 922. List 1. File 752. *Pis'ma i telegrammy Glazovu V.G. Shavel'skogo Georgiya Ivanovicha* [Letters and telegrams of Shavelsky Georgy Ivanovich to Glazov V.G.].

Mityurin, D.V. (2014) S nami Bog [God is with us]. *Dos'e. Kolleksiya*. 8. pp. 2-32.

Sementovskiy, N. (1911) Poslednie chasy zhizni o. Protopresvitera Evgeniya Petrovicha Akvilonova i provody ego tela iz Kozlova na vokzal dlya sledovaniya v Peterburg [The last hours of the life of Protopresbyter, Fr. Evgeny Petrovich Akvilonov and seeing his body off from Kozlov to the station to be delivered to St. Petersburg]. *Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva*. 9. pp. 273-282.

Shavelskiy, G.I. (1996) *Vospominaniya poslednego protopresvitera russhukoy armii* [Memories of the last Protopresbyter of the Russian army]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya.

Соколов Александр Ростиславович – доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sokolov Alexander – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: alar60@yandex.ru